

Вдова олимпийского чемпиона по фехтованию Владимира Смирнова Эмма: «В шикарном гробу Володя лежал, прикрытый только грязной простыней. Мне даже не позволили с ним проститься по-человечески»

Ровно 25 лет назад киевский фехтовальщик выиграл «золото» и «серебро» Олимпиады-80, а ровно 23 года назад известного спортсмена похоронили.

Трагедия произошла 20 июля 1982 года на чемпионате мира по фехтованию, проходившем в Риме. В полуфинальном поединке сошлись Владимир Смирнов и немец Маттеус Бер. Это были достойные соперники — оба высокие (под 1,85 метра), сильные и стремительные. И оба начали поединок с атаки, которая через несколько секунд прервалась... Сломавшаяся рапира немца пробила защитный шлем советского спортсмена и через левый глаз на 14 сантиметров вошла в мозг. Бер тут же отдернул руку, но было поздно. Смирнов, вскрикнув, сорвал маску и рухнул на дорожку. Спортсмена тут же доставили в лучшую римскую клинику, где квалифицированные врачи начали борьбу за его жизнь... Но шансов у Владимира не было.

«Находясь в коме в римской больнице, муж ждал меня целых восемь дней»

Эмма Ивановна, вдова олимпийского чемпиона по фехтованию Владимира Смирнова, по-прежнему живет в одной из киевских многоэтажек на Оболони. Эта квартира помнит веселый смех, которым маленькие дети Смирновых — Дима и Оля — встречали папу со сборов и соревнований. Эта квартира и помнит слезы утраты, когда в солнечный июльский день случилось непоправимое. Не обошелся без слез и наш разговор. Мы с Эммой Ивановной сидим в гостиной на диване. С большого портрета на стене сам Владимир, кажется, внимательно следит за ходом нашей беседы...

- Володя очень не хотел ехать в Рим, — начала свои горестные воспоминания Эмма Ивановна. — Два года он выступал на соревнованиях практически без поражений. Силы были на пределе. А перед чемпионатом мира был долгий сбор команды в Белоруссии, оттуда спортсмены сразу должны были вылететь в Италию. Муж звонил нам каждый день, а потом вдруг случилось чудо: он приехал домой на один день! Спортсменов никогда ведь не отпускали с базы, а Володя, не выдержав разлуки со мной и детьми, подошел к главному тренеру Перекальскому и даже не спросил разрешения, а просто сказал: «Я еду к семье». Тренер, взглянув на него, не смог ничего возразить. Просто отпустил.

Этот день пролетел, как минута. Я проводила мужа к автобусу, тогда еще на Оболони ведь не было метро. На прощание сказала, что жду его из Рима с победой. И без победы тоже. «Ну уж нет, — вдруг ответил Володя. — Либо с щитом, либо на щите!» Кто знал, что его слова окажутся пророческими? А несколько дней спустя я возвращалась с рынка. Вдруг остановилась как вкопанная и подумала: «А сколько было моей маме, когда она овдовела?» Тут же прикусила язык и стала отгонять от себя дурные мысли.

- А день, когда вам сообщили о несчастье, помните?

- Да ведь никто мне и не сообщал! Я сама почувствовала. Это сейчас круглосуточный спортивный канал, Интернет. А тогда лишь новостийные выпуски по радио или телевидению. В вечерних новостях сообщали о римском чемпионате мира, и, перечисляя сборную СССР, диктор не назвал фамилии моего мужа, а он шел под первым номером. У меня все опустилось внутри. Ведь я очень хорошо знала Володю. Он был таким ответственным: и с высокой температурой выступал, и с тяжелыми травмами. Должно было случиться что-то страшное, чтобы он не вышел на дорожку. Я тут же позвонила его тренеру Быкову. Он начал меня успокаивать, сказал, что все выяснит и сообщит. Думаю, что знал уже всю страшную правду, а мне

выдавал информацию по капле. Быков сказал: Володя получил травму и находится в больнице. Успокоил, что все будет хорошо.

Володя всегда мне говорил: «Эмма, со мной никогда ничего не может случиться». Знаете, он ведь там, в Риме, будучи в коме, ждал меня целых восемь дней! Каждую ночь снился и звал: «Эмма, мне без тебя плохо. Я не могу без тебя».

А я металась здесь, собирая характеристики с места работы и выстаивая в очередях к чиновникам. Потом рассказали, что правительство Италии оплатило мою поездку к Володе, были заказаны билеты. Меня там ждали. Ждал Володя!

Все европейские издания каждый день выходили со сводками о состоянии Смирнова. А советские газеты и телевидение хранили гробовое молчание. Все восемь дней! А потом вышел некролог, уместившийся в две строки. А я ведь до последнего надеялась, что он будет жить. Готовилась ухаживать за ним и до конца наших дней кормить с ложечки... Считала, что каждые сутки, прожитые Володей там, в больнице, дают надежду.

Когда наконец-то мне разрешили вылететь в Рим, раздался тот страшный телефонный звонок. Все...

Эмма и Володя выросли в одном городе. Рубежное Луганской области — тихий провинциальный городок. Познакомились, когда обоим было по 16 лет. Володя был старше Эммы всего на пять дней. А ей казалось, что на целую жизнь. Ухаживал этот вихрастый худощавый паренек, слывший в городе первым драчуном, как настоящий рыцарь. К тому же Володя занимался спортом. Играл в футбол, хоккей, баскетбол. Пока его не увидел тренер по фехтованию и не пригласил в свою секцию. Поначалу этот вид спорта не понравился Смирнову, уж слишком легко парень в первом же поединке одолел соперника. А потом Володя увлекся. И остановить Смирнова уже было невозможно — он выиграл чемпионаты СССР в 1977 и 1978 годах, в следующем году стал первым на Спартакиаде народов СССР... Чемпион в личном зачете и серебряный призер в командных соревнованиях Олимпиады-80... А год спустя Смирнов выиграл чемпионат мира и Кубок мира.

... Эмма и Володя встречались четыре года, потом поженились. Им было отпущено судьбой 12 счастливых лет. Без недомолвок, ссор и обид. За ним — как за каменной стеной. За каждый день, проведенный рядом с Володей, Эмма безгранично благодарна судьбе.

«Когда я в годовщину его смерти попросила опубликовать заметку, мне отказали. Не было такого человека!»

- Даже после смерти Володя не отпускал меня, — совладав с комком в горле, продолжает Эмма Ивановна. — 40 ночей он мне снился. Все это время я ходила как под гипнозом. Слез не было. Окаменела. Детей — Диме тогда было шесть, а Оле около пяти — оформила в круглосуточный садик. Они ничего не знали о смерти отца, думали, что он в больнице. Уже позже я с ними ходила на кладбище. Оленька по-детски стала расспрашивать: а не попадет ли папе песочек в глаза, а не холодно ли ему там лежать? Каждый ее вопрос отдавался нестерпимой болью в сердце. А Дима, помню, перестал спать по ночам — загорелся идеей сделать папе памятник. Из пластилина... Сказал, что помогут папины друзья. Хотя многие, кого мы считали своими друзьями, попросту куда-то поде-вались. Остались только настоящие. Они-то и не оставляли меня ни на минуту, очень поддержали и во время похорон, и после.

В Киев Володю привезли в двух гробах. Шикарный деревянный с окошком был помещен в цинковый. Организацию похорон взяли на себя армейское спортобщество и спорткомитет. Похороны провели в какой-то спешке, мне даже не дали с мужем проститься по-человечески — не привезли его домой, не позволили одеть. Так и закопали в грязной простыне, которой накрыли Володю в римском морге. А на уровне груди я в окошко увидела кровавое пятно. Откуда? Ведь у него травма головы была — мозг вытек. Так что вскрытия не должны были делать. Сердце, легкие, печень, почки у мужа здоровыми были. Наши врачи, регулярно следившие за физической подготовкой спортсменов, говорили, что у Володи сердце еще 300 лет биться будет.

Один из тренеров рассказывал, что к членам советской делегации подходили итальянские врачи и спрашивали разрешения взять органы для пересадки. Но такие вопросы решают только близкие родственники. А меня рядом не было! Моей родной сестре в те дни приснился сон, что к ней пришел Володя и говорит: «Я так устал, меня всего порезали»...

Восемь дней в больнице в Володе поддерживали жизнь. А потом, по какому-то странному стечению обстоятельств, именно в день святого Владимира отключили от аппарата искусственного дыхания. Володя умер. Он некрещеным был, и мы не отпевали его, могилу не «опечатали». Мучилась его душа между небом и землей очень долго. И так звал меня к себе, так ему тяжело было. Знаете, я ведь уже готова была уйти к нему. Помню, снится мне

сон. Володя умоляет пойти с ним. Я уже собрала сумки, он меня обнял. Я оглянулась, а в комнате за столом сидят Дима и Олечка. «Не могу, — говорю Володе. — Ты без меня сможешь, а они пропадут»...

- Эмма Ивановна, вам надо было учиться жить без него...

- С Володей я видела мир только в «розовых очках». А тут в одночасье свалились все беды. Хорошо, хоть квартира в Киеве уже была. На похоронах и поминках говорили красивые речи, обещали поддержку и персональную пенсию. А через день забыли, как и не было человека. В столичной спортивной газете работала известная журналистка. Она много писала о Смирнове, часто бывала у нас дома. Когда я на годовщину смерти обратилась с просьбой опубликовать заметку о Володе, услышала отказ. Не было такого человека. И все!

О Володе забыли на два десятка лет. На днях попросил об интервью один из старейшин спортивной журналистики. Я отказала. Где он был столько лет? А скольких усилий мне стоил памятник на могиле Володи! Год на кладбищенском холмике титулованного спортсмена на Военном кладбище в центре города стояла звездочка, как у неизвестного солдата. О персональной пенсии также как-то забыли. Не положено! Я ради детей стала добиваться. И мне к 130 рублям добавили еще... семь «персональных». При этом Володю задним числом оформили в одну из воинских частей Кривого Рога, начальником танкового подразделения. А Володя танки только на картинках видел...

Почему-то врезалась в память фраза одного из товарищей мужа по советской сборной. С завистью в голосе он обронил: «Володя жил красиво и умер тоже красиво».

- Говорили, что вы получили какие-то невысказанные по советским временам страховочные деньги.

- Даже называли конкретные суммы, исчислявшиеся сотнями тысяч долларов. Мне звонили знакомые и советовали, как лучше распорядиться этими деньгами. А я их и в глаза не видела. Тренеры рассказали, что там, на римском чемпионате, зарубежные спортсмены открыли фонд помощи семье Смирнова. Перечислил туда деньги и Маттеус Бер. Володя всегда говорил, что советские спортсмены застрахованы, значит, «набегала» еще какая-то сумма. Огромные деньги должна была перечислить спортивная фирма, в экипировке которой выступала наша сборная. Но наши чиновники ответили: советские спортсмены, мол, ни в чем не нуждаются... Скажу вам, что в

качестве компенсации я получила 300 советских рублей. А много это или мало, чтобы поднять на ноги двух детей, решайте сами.

- Эмма Ивановна, я знаю, что спустя какое-то время на вашем пути встретился человек, который стал опорой вам и детям.

- Через четыре года после смерти Володи я снова вышла замуж. Мой второй муж — тоже Владимир. Но сколько же мне пришлось пережить! Где-то за полгода до свадьбы Володя каждую ночь снился мне, укорял, как я могла его забыть. Просыпалась измученной, разрывалась между двумя Владимирами. И уже даже была готова отказаться от второго замужества. Во сне я говорила с Володей: «Где же ты? Почему ты нас оставил? Ты же видел, как я тебя от души, от сердца отрывала. Как училась существовать без тебя. Я готова была тебя ждать всю оставшуюся жизнь, если бы ты дал надежду на встречу». И, видно, Володя или его душа успокоились. В одну из ночей он попрощался со мной и детьми. Я перестала помнить сны. Только чувствую, что он все время рядом.

Потом Володя приснился мне еще один раз, чтобы предупредить о несчастье. Я тогда долго не могла расшифровать этот сон. Со вторым мужем мы решились на ребенка. Беременность и роды протекали очень тяжело, у меня было высокое давление — все руки искололи, а сама я напоминала узника концлагеря. Мы радовались, что сынуля, назвали его Сашей, родился здоровым. В роддоме мне приснился Володя. Такой родной и близкий. Он хотел обнять меня за плечи, но смутился. Посмотрел на меня и сказал: «Бедная ты моя, бедная. Сколько же тебе придется вынести!» Я решила, что он жалеет меня из-за тяжелой беременности, трудных родов... «Но ведь все уже позади. Я так счастлива, у меня здоровый сын!» — «Нет. Бедная моя... » — покачал головой Володя. А через полгода наш Сашенька умер...

Мне очень тяжело было довести это интервью до конца. Не стесняясь, плакала Эмма Ивановна. Не сдерживала слез и я. Хотелось как-то поддержать эту красивую, сильную женщину. Но все слова казались неуклюжими и неуместными.

- Это светлые слезы печали, — сказала Эмма Ивановна. А потом тихо добавила: — Тот укол исковеркал мою жизнь. Я ведь действительно была очень счастлива с ним. И вся жизнь могла сложиться иначе...

[Ольга Гурина, «Факты», 29 июля 2005 г.](#)